На правах рукописи

Гутенева Алиса Владимировна

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ КОММЕРЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ В МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре предпринимательского и корпоративного права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Научный руководитель:	**Ершова Инна Владимировна** доктор юридических наук, профессор
Официальные оппоненты:	**Белых Владимир Сергеевич** доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева», заведующий кафедрой предпринимательского права имени В.С. Якушева
	Стригунова Дина Павловна доктор юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности
Ведущая организация:	**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»**

Защита состоится «30» июня 2026 года в 10:00 на заседании диссертационного совета 24.2.336.01, созданного на базе ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», по адресу: г. Москва, 123242, ул. Садовая-Кудринская, д. 7, стр. 22, зал диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» http://msal.ru.

Автореферат разослан «_____»_____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор юридических наук, доцент **О.А. Тарасенко**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность выбранной для исследования темы. В современных условиях, сопряженных с масштабными внешнеторговыми ограничениями, введенными в отношении России и российского бизнеса со стороны недружественных стран, вопрос дополнительной проработки теории коммерческих договоров приобретает особую значимость.

Наибольший интерес здесь представляют мусульманские договорные конструкции. После открытия и начала разработки нефтяных месторождений мусульманские страны Персидского залива оказались резко включены в международную коммерческую практику. При этом принципы запрета ставки процента (риба), спекулятивного поведения (мейсир), намеренного риска (гарар), а также иные принципы халяльной (правоверной) коммерческой деятельности столкнулись с международной коммерческой практикой, полностью основанной на ставках процентов, спекулятивном поведении и намеренном риске.

Однако, соответствующее противоречие не привело к исключению стран Персидского залива из мировой торговли, а, напротив, повлекло за собой развитие особых договорных конструкций в коммерческой сфере, которые, с одной стороны, соответствуют религиозно-правовым требованиям Шариата, а, с другой стороны, обеспечивают достижение нужных коммерческих эффектов.

Исследование процесса формирования подобных мусульманских коммерческих договоров, а также их специфических характеристик представляет сегодня особую актуальность для российской науки.

Она, прежде всего, обусловлена интенсификацией экономических отношений с арабскими странами в условиях санкций со стороны недружественных стран, введенных в отношении России. Беспрецедентное санкционное давление стало фактором, который привел к вынужденной форсированной смене вектора международного торгово-экономического

взаимодействия: вместо традиционных европейских партнеров на первые места во взаимной торговле и инвестиционном сотрудничестве с Россией стали выходить азиатские и ближневосточные государства (включая такие мусульманские страны, как ОАЭ, Саудовская Аравия и Иран).

Кроме того, теоретическая проработка концепции исламских коммерческих договоров имеет для России и внутринациональное измерение. Количество мусульман-граждан России в 2022 г. составляло около 20 млн человек (или около 14% от всего российского населения). При этом мусульманское население России демонстрирует тенденцию к устойчивому росту (за счет высокой рождаемости в регионах Северного Кавказа). Запрет ставки процента, спекулятивного поведения и намеренного риска, являясь универсальными религиозными нормами ислама, естественно, касаются и мусульман-граждан России. В то же время, современная отечественная коммерческая практика преимущественно не учитывает их интересы.

Интересы мусульманского населения России и зарубежных торговых партнеров из мусульманских стран могли бы быть обеспечены за счет внедрения в России концепции исламских коммерческих договоров.

Соответствующие попытки активно предпринимались с середины 2010-х гг., но законодательное оформление нашли лишь в 2023 г. с принятием Федерального закона от 04.08.2023 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». На основании данного закона в отдельных регионах Российской Федерации был запущен эксперимент по предоставлению услуг исламского банкинга (партнерского финансирования) с использованием конструкций исламских коммерческих договоров.

В настоящее время правовой эксперимент по партнерскому финансированию продлен до 2028 г., что свидетельствует, с одной стороны, о востребованности исламского банкинга и исламских договорных конструкций (по крайней мере в регионах проведения эксперимента), а, с другой стороны, о продолжающемся процессе формирования концепции исламских коммерческих договоров в российском правопорядке.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что выбранная для исследования тема представляется актуальной как для теории, так и для практики. Анализ выбранной тематики может быть полезен для отечественной правовой науки с точки зрения дополнительного освещения мировых альтернатив светских коммерческих договоров. Кроме того, исследование мусульманских коммерческих договоров соответствует текущим внешнеторговым реалиям, а также представляет значимость для правоверного мусульманского населения России.

Степень научной разработанности выбранной для исследования темы недостаточна. В настоящее время наиболее широко освещены лишь общие вопросы, связанные с теорией коммерческого договора в российском правопорядке, а также в зарубежных правопорядках континентальной и англосаксонской правовой системы.

Так, в советской доктрине вопросам правового регулирования хозяйственных договоров были посвящены исследования таких авторов, как: М.М. Агарков, М.И. Брагинский, М.М. Богуславский, М.В. Гордон, В.П. Звеков, О.С. Иоффе, О.А. Красавчиков, Л.А. Лунц, Д.В. Овчинников, И.С. Перетерский, М.Г. Розенберг и др. Среди дореволюционных авторов, исследовавших вопросы теории торгового договора, стоит выделить Е.В. Васьковского, Ю.С. Гамбарова, А.И. Каминку, В.А. Удинцева, П.П. Цитовича, Г.Ф. Шершеневича и др.

На современном этапе теория (концепция) коммерческих, (а также предпринимательских) договоров наиболее активно разрабатывается

представителями науки коммерческого и предпринимательского права, среди которых, в частности, можно отметить следующих ученых: Е.А. Абросимова, Л.В. Андреева, Г.Е. Авилов, В.А. Белов, В.С. Белых, Ю.Е. Булатецкий, Е.А. Васильев, М.А. Егорова, Л.Г. Ефимова, С.С. Занковский, Е.М. Кондратьева, Н.Ю. Круглова, В.В. Лаптев, А.Н. Левушкин, О.А. Макарова, В.А. Маслова, Б.И. Пугинский, В.Ф. Яковлев и др.

Анализ особенностей эволюции и современного состояния теории коммерческих договоров в зарубежных странах континентальной и англосаксонской правовых систем достаточно подробно исследован в трудах таких ученых, как: Е.В. Вершинина, И.А. Зенин, О.Н. Зименкова, А.С. Комаров, А.А. Костин и др. Отдельно можно отметить докторскую диссертацию Д.П. Стригуновой, посвященную исследованию системы правовых регуляторов международных коммерческих договоров в праве России, стран ЕАЭС и ЕС.

В целом, проблематика коммерческих договоров в современных отечественных исследованиях проанализирована достаточно подробно.

Однако, проблематика исламского коммерческого права в отечественной юридической науке получила заметное развитие лишь в последние полтора десятилетия (преимущественно в контексте обсуждения перспектив интеграции исламских финансовых механизмов в российскую правовую систему).

Наиболее системный вклад в данное направление внес Р.И. Беккин, исследовавший особенности исламских финансовых институтов и инструментов в мусульманских и немусульманских странах. Впоследствии совместно с М.С. Алискеровым он обратился к анализу состояния исламского финансового сектора в России. Экономико-правовые аспекты исламских финансов рассматривались также Б. Чокаевым, Е.А. Токмаковым и Е.А. Исаевой. Правовые проблемы имплементации исламского банкинга и

партнерского финансирования изучались Д.Г. Алексеевой, И.Е. Михеевой, О.М. Ивановым.

А.Н. Кузнецова и И. Тенберга исследовали институт купли-продажи и запрет гарар в исламской традиции, М. Мирмохаммади – исламский взгляд на международное коммерческое право. Особого внимания заслуживает сравнительно-правовой анализ договора мурабаха, проведенный Х.В. Идрисовым и А.С. Тазбаевым, представляющий собой одну из немногих работ, посвященных догматическому анализу конкретного исламского коммерческого договора в контексте российского права.

Соотношение исламских правовых традиций с современными технологиями рассматривалось Р.М. Ахмедовым, Н.Д. Эриашвили, Ю.А. Ивановой, а современные институты исламского права в целом – Н.А. Медушевским и А.С. Громовой.

Вместе с тем комплексное юридическое исследование системы исламских коммерческих договоров в российской науке до настоящего времени не проводилось, что свидетельствует о наличии существенного пробела в данной области.

Англоязычная литература по исламскому коммерческому праву значительно более обширна.

Фундаментальные основы исламской правовой системы, определяющие нормативную базу коммерческих отношений, исследованы в трудах В. Халлака, М.Х. Камали, Г. Либсона. Непосредственно исламскому коммерческому праву посвящены работы Ч. Маллата (осуществившего комплексный анализ коммерческого права Ближнего Востока от классических сделок до современной практики), Н. Фостера, М.Т. Мансури, Х. Хасана. Проблемы взаимодействия исламского права с международным коммерческим правом рассматривались Т.С. Твибеллом, Дж. Чуа, У.М. Баллантайном, М. Макнузи. Методологические основания исламского

экономического права разрабатывались М.У. Чапрой, А. Абузейдом, М.А. Зарка.

Значительный массив англоязычных исследований посвящен отдельным исламским финансовым инструментам. Здесь следует отметить работы Дж. Эрканбрэка, М. Аюба, Т. Усмани, М.Н. Сиддики, У. Хегази. Активно развивается направление, связанное с цифровизацией исламских коммерческих отношений: легитимность электронной коммерции и смарт-контрактов с позиции шариата анализировалась А. Алуфи, М. А. Ханом, Б. Хуссейном, Д. Хиджази, Г. А. Атийя, А. Ризваном, С. Курейши, М.А.И. Хашми, В. Уриаваном.

Впрочем, несмотря на широкий спектр зарубежных исследований, комплексное сравнительно-правовое исследование системы исламских коммерческих договоров с позиции российской правовой доктрины в англоязычной литературе отсутствует.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в связи и по поводу коммерческих договоров.

Предметом исследования являются правовые нормы отечественного и мусульманских правопорядков, международные правовые нормы, *lex mercatoria* (включая стандарты международных мусульманских организаций), правоприменительная практика, а также отечественные и исламские теории, концепции и подходы, связанные с коммерческими договорами, взятые в их исторической динамике и в правовом контексте.

Цель исследования состоит в формировании нового научного знания об исламской концепции коммерческих договоров, системе таких договоров в мусульманских странах с различными типами правовых систем, а также о потенциале применения указанной концепции в российском правопорядке.

Для достижения данной цели в исследовании предполагается решить следующий ряд **задач:**

- выявить ключевые религиозно-правовые основы хозяйственной деятельности в мусульманских странах;

- исследовать эволюцию исламского коммерческого права под влиянием международной коммерческой практики, оценить конвергенцию светского и религиозного коммерческого права;

- выявить правовое значение шариата и оценить его влияние на регулирование коммерческих договоров в современных мусульманских правопорядках;

- проанализировать систему коммерческих договоров в современных мусульманских странах с (квази)западной и фундаменталистской моделями правовых систем (на примере ОАЭ и Саудовской Аравии);

- оценить возможности для применения концепции исламских коммерческих договоров в российском правопорядке;

- установить перспективные направления правового регулирования цифровых исламских коммерческих договоров и исламских цифровых прав.

Теоретические основы исследования находятся на пересечении двух крупных правовых традиций, каждая из которых выработала собственный понятийный аппарат и систему концепций применительно к коммерческим договорам.

В российской цивилистической доктрине теория торгового договора опирается на концепцию дуализма частного права, восходящую к трудам Г.Ф. Шершеневича и П.П. Цитовича, которые обосновывали выделение торговых сделок по субъектному и функциональному критериям. На современном этапе данная проблематика развивается в рамках науки коммерческого права, прежде всего, в работах Б.И. Пугинского, сформулировавшего концепцию коммерческого договора как инструмента управления хозяйственными связями, а также в трудах Л.В. Андреевой, Е.А. Абросимовой, В.А. Белова и других исследователей, анализирующих систему коммерческих договоров в условиях монистической модели

частноправового регулирования, закрепленной в Гражданском кодексе Российской Федерации.

В свою очередь, исламская правовая традиция базируется на доктрине единства шариата как нормативной системы, не допускающей разграничения публичного и частного, гражданского и торгового права. Ключевое значение для исследования здесь имеет концепция «муамалат» – обособленного раздела шариата, регулирующего договоры и деловые сделки на основе интерпретации религиозных текстов правовой доктриной (фикхом). Основой муамалата в исламском праве выступает система императивных ограничений, включающая запрет процента (риба), чрезмерной неопределенности (гарар) и спекулятивного риска (майсир), а также подчинение коммерческой деятельности общим целям шариата (макасид аль-шариа). Данные ограничения определяют специфику формирования договорных конструкций в мусульманских правопорядках.

Синтез указанных правовых традиций составляет ключевую методологическую задачу настоящего исследования. Именно в рамках точек соприкосновения и принципиальных расхождений между российской и исламской теориями коммерческого договора и проявляются теоретические основы настоящего исследования.

Методология и методы диссертационного исследования. Методологической основой исследования выступает диалектическая логика, позволяющая рассматривать эволюцию концепции исламских коммерческих договоров как закономерный процесс, обусловленный взаимодействием экономических, политических и религиозных факторов. В частности, именно диалектика единства и борьбы противоположностей позволяет осмыслить феномен конвергенции исламского и светского коммерческого права – процесс, в котором религиозные императивы шариата одновременно ограничивают и стимулируют формирование оригинальных договорных

конструкций, способных функционировать в условиях глобализированного коммерческого оборота.

Методы исследования представлены как общенаучными, так и специально-юридическими.

К общенаучным методам относятся анализ и синтез, позволяющие деконструировать сложные правовые явления и воссоздавать целостную картину: так, анализ применяется при исследовании отдельных элементов системы шариатских ограничений (запрет риба, гарар, майсир), тогда как синтез обеспечивает их последующее объединение в целостную концепцию исламского коммерческого договора.

Индуктивно-дедуктивный метод обеспечивает переход от частных наблюдений к обобщениям и обратно – например, от анализа конкретных договорных конструкций мурабаха, мудараба и вакала к формулированию общих закономерностей построения исламских коммерческих договоров.

Системный метод необходим для исследования коммерческих договоров как элемента более широких правовых систем, что особенно значимо применительно к шариату, в котором отсутствует характерное для европейской традиции разграничение публичного и частного, гражданского и торгового права.

Метод аналогии применяется при сопоставлении функционально схожих институтов различных правопорядков – в частности, при соотнесении муамалата как обособленного раздела шариата с европейским феноменом *lex mercatoria*.

Среди специально-юридических методов ведущую роль играют сравнительно-правовой и историко-правовой методы.

Сравнительно-правовой метод позволяет выявить общее и особенное в концепциях коммерческих договоров, сложившихся в российском правопорядке, в мусульманских странах, а также в светских государствах континентальной и англосаксонской правовых систем.

Историко-правовой метод обеспечивает исследование генезиса и трансформации договорных конструкций в их хронологической последовательности. В частности, данный метод был применен в рамках исследования рецепции французского торгового законодательства в Османской империи середины XIX века и ее последствий для формирования современных правопорядков ОАЭ и Саудовской Аравии.

Формально-юридический метод используется при анализе нормативных текстов (как светского законодательства, так и источников шариата и фикха) с целью установления их юридического содержания и системных взаимосвязей, включая выявление соотношения императивных религиозных предписаний и диспозитивных норм национальных торговых кодексов мусульманских государств.

Наряду с указанными методами в исследовании применяется метод правового моделирования, который используется для конструирования теоретических схем интеграции исламских договорных конструкций в российский правопорядок. В частности, метод правового моделирования применяется при разработке подходов к структурированию исламских договорных конструкций средствами действующего гражданского права Российской Федерации.

Нормативная база исследования представлена законодательством о коммерческих договорах России, ОАЭ, Саудовской Аравии, а также ряда других мусульманских стран. Отдельно можно выделить международные акты «мягкого права»: типовые законы, рекомендации и стандарты, а также тексты исламской правовой доктрины (фикха), являющиеся составной частью шариата.

Эмпирическая база исследования включает в себя материалы правоприменительной практики отечественных судов, решения государственных судов зарубежных стран, решения международных

коммерческих арбитражей, а также статистические данные о структуре и динамике внешней торговли.

Научная новизна диссертации состоит в том, что она представляет собой комплексное сравнительно-правовое исследование системы исламских коммерческих договоров, осуществленное с позиций российской доктрины коммерческого права. В исследовании предпринята попытка разработать концепцию мусульманских коммерческих договоров с привлечением как транснационального (муамалат в качестве исламского lex mercatoria), так и национального регулирования (коммерческое законодательство ОАЭ и Саудовской Аравии). Осуществлена категоризация мусульманских правопорядков по критерию правового значения шариата с обоснованием дуалистической и монистической моделей построения систем коммерческих договоров. Отдельно обоснована концепция цифрового сукук.

Положения, выносимые на защиту:

1. Доказано, что исламский коммерческий договор представляет собой соглашение, опосредующее обмен товаров и услуг с целью извлечения прибыли, заключаемое и исполняемое в соответствии с системой религиозно-правовых запретов и дозволений шариата.

Исламский коммерческий договор характеризуется существенно модифицированными субъектным, целевым, предметным и функциональным квалифицирующими признаками (критериями):

- субъектный критерий расширен за счет включения исламских финансовых организаций, которые в силу запрета ставки процента (рибы) вынуждены участвовать в реальном товарообороте.

- целевой и предметный критерии подчинены дополнительным ограничениям: требованиям халяльности, запрету чрезмерной неопределенности (гарара) и запрету спекулятивного дохода, не обеспеченного реальной хозяйственной деятельностью.

- функциональный критерий обогащен принципом распределения прибыли пропорционально принимаемым рискам и ответственности за убытки.

Совокупность указанных особенностей формирует более узкие пределы договорной свободы по сравнению с российским коммерческим правом, одновременно порождая специфические договорные конструкции (мурабаха, мушарака, мудараба и др.), не имеющие прямых аналогов в отечественном правопорядке.

2. Аргументировано, что в рамках муамалата (условно обособленный комплекс норм шариата о договорах и деловых сделках), который представляет собой исламское *lex mercatoria*, запрет получения безусловного дохода от использования капитала в отсутствие реальной деятельности (запрет долговой рибы) и запрет получения дохода от перепродажи (запрет торговой рибы) преодолевается двумя основными способами:

- за счет использования правовой фикции, в соответствии с которой «коммерческая работа» признается реальной деятельностью (по такой модели построены исламские коммерческие договоры мурабаха и истисна);

- за счет использования организационных коммерческих договоров с условиями о распределении прибыли между сторонами (по такой модели построены исламские коммерческие договоры мушарака и мудараба).

Характер и степень гибкости применения отмеченных правовых средств в рамках конкретных правопорядков зависит от правового значения шариата в рамках национальной правовой системы (который неодинаково влияет на конструирование системы гражданских и торговых договоров).

3. По критерию правового значения шариата в рамках национальной правовой системы выделены два типа мусульманских стран: страны с (квази)западной моделью правовой системы и страны с фундаменталистской моделью правовой системы. В зависимости от модели правовой системы в

мусульманских странах выстраиваются две принципиально разные системы коммерческого права.

3.1. Мусульманские страны с (квази)западной моделью правовой системы признают за шариатом характер конституционно-правовой нормы-принципа. Религиозно-правовые запреты и дозволения шариата как конституционной нормы-принципа подлежат обязательному учету при разработке национального коммерческого законодательства, однако, не являются определяющим фактором для законотворческой работы.

В мусульманских странах с (квази)западной моделью система коммерческих договоров носит дуалистический характер: 1) общие коммерческие договоры обособлены от гражданских договоров, носят светский характер и выведены из-под действия запретов и дозволений шариата; 2) специальные исламские коммерческие договоры опираются на муамалат и прямо поименованы в соответствующем качестве в коммерческом законодательстве.

Нормы об исламских коммерческих договорах носят специальный характер и применяются в рамках строго ограниченного круга субъектов (исламские финансовые организации) и общественных отношений.

Применение шариата (муамалата) к общим коммерческим договорам осуществляется субсидиарно, только в случаях отсутствия: 1) положений законодательства, прямо и косвенно регулирующих коммерческие отношения; 2) правовых традиций (правовых обычаев), сформировавшихся в национальной и международной исламской коммерческой практике; 3) договорного регулирования конкретных коммерческих отношений.

3.2. Мусульманские страны с фундаменталистской моделью правовой системы признают за шариатом (включая исламскую правовую доктрину – фикх) характер закона, обладающего высшей юридической силой и прямым действием.

В мусульманских странах с фундаменталистской моделью система гражданских и коммерческих договоров носит монистический характер (следуя единству шариата) и опирается на муамалат. Вся система коммерческих договоров выстраивается с учетом запретов и дозволения шариата посредством законодательного закрепления конкретных подходов, разработанных в рамках отдельных шариатских школ (мазхабов).

Прямое применение норм шариата (муамалата) в странах с фундаменталистской моделью носит не только субсидиарный (в случае отсутствия специальной нормы в национальном коммерческом законодательстве), но и пресекательный характер (в случае противоречия положений национального коммерческого законодательства религиозно-правовым ограничениям и запретам шариата).

4. Выявлено, что вследствие неодинакового влияния шариата на конструирование национальных систем гражданских и коммерческих договоров, система коммерческих договоров в ОАЭ как мусульманской стране с (квази)западной моделью правовой системы носит дуалистический характер и включает в себя два обособленных правовых режима: светский (секуляризованный) и исламский (религиозно-правовой).

4.1. Светский правовой режим коммерческих договоров выступает в качестве специального обособленного режима по отношению к общегражданскому регулированию. Он распространяется только на коммерческую деятельность, которая должна соответствовать любому из следующих альтернативных критериев: субъектный критерий, легальный критерий, функциональный критерий. В качестве дополнительных критериев для разграничения коммерческой и общегражданской деятельности также выступают структурный (организационно-правовой) критерий и ресурсный критерий.

В рамках светского правового режима могут свободно заключаться и исполняться традиционные светские коммерческие договоры (с

определенными национальными особенностями, не связанными напрямую с мусульманской правовой системой).

4.2. Исламский религиозно-правовой режим осуществления коммерческой деятельности в правопорядке ОАЭ является обязательным только для исламских финансовых организаций. Иные участники коммерческой деятельности не обязаны использовать исламский религиозно-правовой режим, однако могут им руководствоваться в рамках реализации принципа свободы договора.

Исламский религиозно-правовой режим включает в себя специальные исламские коммерческие договоры, к которым относятся: мурабаха (купля-продажа по запросу о финансировании); истисна (поставка/производство по запросу о финансировании); салям (форвардная продажа); иджара (часть договорной конструкции финансовой аренды); продажа в рассрочку (как основное расчетное обязательство); а также мушарака (деловое партнерство/простое товарищество) и мудараба (спекулятивное партнерство/инвестиционное товарищество).

5. Установлено, что фундаменталистская модель правовой системы Саудовской Аравии, порожденная особо сильным влиянием шариата, нашла отражение в единой (монистической) трехзвенной системе коммерческих договоров:

- коммерческие договоры, правовое регулирование которых осуществляется положениями общего гражданского законодательства (Закона Саудовской Аравии «О гражданских сделках», Гражданского кодекса Саудовской Аравии): мушарака, мудараба и «договор о разделе продукции» (договор финансовой аренды);

- коммерческие договоры, правовое регулирование которых осуществляется в рамках общего коммерческого законодательства (в Законе Саудовской Аравии «О коммерческих сделках», Торгового кодекса Саудовской Аравии): купля-продажа между коммерсантами (в т.ч. форвардная

продажа салям); открытый аукцион; поставка; посреднические коммерческие договоры (поручительство, агентский договор, договор комиссии); а также договоры с коммерческими ценными бумагами (чеком, простым и переводным векселем);

- коммерческие договоры, правовое регулирование которых осуществляется в специальном коммерческом законодательстве (в специальных законах об отдельных категориях договоров): коммерческая концессия, коммерческий агентский договор, коммерческое (ответственное) хранение, коммерческий залог, договоры с ценными бумагами, договоры в сфере электронной коммерции, залог движимого имущества.

Приведенные три группы коммерческих договоров расположены в соответствии с принципом: от общего закона – к специальному. Приоритет отдается специальному законодательству. Каждая группа коммерческих договоров опирается на муамалат в его толковании саудовскими мазхабами.

6. Доказано, что в условиях, когда договорная форма переходит в программный код, среди исламских цифровых финансовых активов центральное место начинает занимать смарт-сукук, который как категория исламского коммерческого права должен соответствовать требованиям и ограничениям шариата.

Смарт-сукук (исламская облигация в форме цифрового финансового актива) – это цифровое право, удостоверяющее долю владельца в праве собственности или ином имущественном праве на определенный актив либо совокупность активов, выпуск, учет и обращение которого (права) осуществляются посредством внесения записей в распределенный реестр, а исполнение обязательств по которому обеспечивается автоматически на основании смарт-контракта.

Ключевыми квалифицирующими признаками смарт-сукук, подчеркивающими его исламскую религиозно-правовую природу, являются:

- обязательная привязка к реальному базовому активу (недвижимое имущество, оборудование, права требования из договоров аренды или поставки и т.д.);

- запрет на включение в структуру инструмента элементов рибы, гарара и мейсира;

- распределение доходов между владельцами пропорционально их долям в базовом активе, а не в форме фиксированного процентного дохода;

- наличие заключения (фетвы) шариатского совета о соответствии условий выпуска принципам исламского права.

Предложения по совершенствованию правоприменительной практики:

В рамках диспозитивности регулирования гражданских отношений, предполагающей право на заключение непоименованных договоров, для договорного структурирования исламских коммерческих договоров по российскому праву без внесения изменений в действующее законодательство представляется возможным использование следующих конструкций смешанных непоименованных договоров:

1. Договор мудараба (общий договор спекулятивного партнерства) – это договор инвестиционного товарищества, по которому одна сторона (товарищ-инвестор) обязуется предоставить капитал (сделать имущественный вклад), а другая сторона (управляющий товарищ) – собственные усилия и «коммерческую работу», направленные на получение прибыли из предоставленного капитала, после чего полученная прибыль распределяется между сторонами в соответствии с согласованными в договоре условиями.

2. Договор банковской мударабы (договор партнерского инвестирования) – это непоименованный смешанный договор, по которому исламская финансовая организация (участник соответствующего экспериментального правового режима) обязуется принимать денежные средства клиента на определенный срок без гарантии их возврата в

номинальном выражении, выплачивать по ним доход в зависимости от результатов использования переданных денежных средств с запретом на установление вознаграждения клиента в виде процентной ставки. Договор банковской мударабы может применяться пока только в рамках экспериментального правового режима по партнерскому финансированию.

3. Договор иджара (договор партнерского лизинга) – это договор финансовой аренды (лизинга), по которому одна сторона (лизингодатель) передает во владение и пользование (но не в собственность) другой стороне (лизингополучателю) определенное имущество (предмет лизинга), а лизингополучатель обязуется выплачивать лизингодателю вознаграждение в виде фиксированной суммы или в виде переменной суммы, поставленной в зависимость от определенных показателей или критериев (включая долю в прибыли от использования предмета лизинга), без взимания процентов за просрочку и иных штрафных процентов.

4. Договор мурабаха (договор инвестирования под покупку, договор партнерской купли-продажи) – это непоименованный смешанный договор, по которому одна сторона (инвестор) в интересах и по требованию другой стороны (покупателя) заключает от своего имени договор купли-продажи с третьим лицом (поставщиком), на которого указал покупатель, после чего инвестор передает полученное по сделке с третьим лицом имущество покупателю, а покупатель обязуется в течение определенного времени (в рассрочку) возместить понесенные инвестором затраты на приобретение имущества и оплатить его коммерческую работу по заключению договора купли-продажи с поставщиком.

Существенными условиями договора мурабаха являются следующие: 1) условия приобретения предмета договора продавцом у третьего лица (стоимость, характеристики, сроки приобретения); 2) условие о рассрочке (отсрочке) платежей по договору; 3) условие о фиксированном размере вознаграждения продавца за предоставление финансирования и приобретение

указанного покупателем актива; 4) условия, исключающие применение штрафных или иных процентов к договорным отношениям.

5. Договор истисна (договор инвестирования под поставку/производство) – это непоименованный смешанный договор, по которому одна сторона (инвестор) в интересах и по требованию другой стороны (заказчика) заключает от своего имени с третьим лицом (поставщиком, исполнителем, подрядчиком) договор подряда, договор строительного подряда, договор поставки или иной договор, предполагающий выполнение работы, оказание услуг или отгрузку партий товара, после чего инвестор уступает возникшее по сделке с третьим лицом право требования заказчику, а заказчик обязуется в течение определенного времени (в рассрочку) возместить понесенные инвестором затраты на приобретение имущества и оплатить его коммерческую работу по заключению договора с поставщиком (исполнителем, подрядчиком).

Важно отметить, что все отмеченные выше конструкции перед их возможным законодательным закреплением должны пройти апробацию либо в рамках экспериментального правового режима по партнерскому финансированию, продленному до 2028 г., либо в ходе судебного оспаривания.

Теоретическая значимость. Выводы, полученные автором, могут быть использованы для развития отечественной концепции коммерческих договоров в мусульманских странах, правовой квалификации исламских правовых институтов и их систематизации. Отдельный интерес для исследовательского сообщества могут представлять выводы автора о моделях правовых систем в современных мусульманских странах и о соответствующих данным моделям подходах к конструированию концепции и системы коммерческих договоров.

Практическая значимость. Результаты исследования могут представлять интерес для практикующих юристов и участников

трансграничной торговли с представителями мусульманских стран (прежде всего, ОАЭ и Саудовской Аравии). Полученные результаты о новейшем гражданском и торговом регулировании ОАЭ и Саудовской Аравии могут использоваться при заключении коммерческих договоров с контрагентами из данных стран, а также в рамках признания и приведения в исполнения судебных и арбитражных решений на их территории. Также выводы и результаты, полученные автором, могут использоваться в рамках учебного процесса (например, в рамках дисциплин «Предпринимательское право», «Коммерческое право», «Зарубежное торговое право» и др.). Кроме того, актуальность выбранной для исследования темы, а также полученные результаты свидетельствуют о необходимости подготовки специалистов, разбирающихся в архитектуре исламских финансовых инструментов и способных осуществлять банковский надзор за выполнением норм шариата.

Достоверность результатов подтверждается использованием релевантной теоретико-методологической базы, применением общенаучных и специальных методов исследования, а также опорой на актуальный эмпирический материал.

Апробация результатов исследования. Выводы и положения, сформулированные автором по итогам проведенного исследования, были обсуждены на кафедре предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Ключевые положения диссертационного исследования были апробированы в четырех статьях, опубликованных в журналах из перечня рецензируемых научных изданий ВАК, а также на следующих научно-практических мероприятиях: научно-практическая конференция «Право и реальный сектор экономики России», 5 марта 2024 года, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) г. Москва; панельная дискуссия «Технологии женского наставничества: тренды XXI века», 27 ноября 2024 года, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) г. Москва;

VI Всероссийская научно-практическая конференция «Лаптевские чтения» на тему «Право и реальный сектор экономики», 25 апреля 2025 года, Институт государства и права РАН г. Москва; XIV Международная научно-практическая конференция «Право и бизнес: роль права в достижении национальных целей развития Российской Федерации» 29 мая 2025 года, Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого г. Великий Новгород.

По **структуре** исследование состоит из введения, трех глав, разделенных на шесть параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень ее научной разработанности, определяются цель и задачи работы, конкретизируются объект и предмет исследования, раскрывается методология и методы диссертационного исследования, обосновывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения о достоверности и апробации результатов исследования.

Первая глава «Основы учения об эволюции концепции коммерческих договоров в мусульманских странах» состоит из двух параграфов, посвященных общим вопросам исламского коммерческого права и его соотношения с европейскими светскими институтами.

В **первом параграфе «Религиозно-правовые основы хозяйственной деятельности в мусульманских странах»** исследуются особенности правовой традиции мусульманских стран, определяющие специфику формирования концепции исламских коммерческих договоров.

Отмечено, что правовая традиция мусульманских стран прямо основана на религиозных положениях ислама, детально регламентирующих хозяйственную сферу общественной жизни.

Как следствие, шариат представляет собой единую правовую систему, в которой отсутствует характерное для европейской традиции разграничение не только гражданского и торгового, но и публичного и частного права. Одни и те же религиозные нормы шариата подлежат применению ко всем сферам общественной жизни на основе универсального принципа разделения деятельности на разрешенную (халяль) и запрещенную (харам). Подобное единство шариата является отличительной особенностью исламской теории коммерческого договора и формирует существенно более узкие пределы договорной свободы по сравнению с европейскими правопорядками.

Специальные религиозно-правовые запреты, применяемые, в том числе, к коммерческим операциям включают в себя:

- запрет харамной деятельности;

- требование соответствия общим целям исламского права (макасид аль-шари'а);

- запрет чрезмерной, «толстой», неопределенности (гарар-е-касир);

- безусловный запрет ставки процента (долговой рибы) при частичном дозволении увеличения стоимости товара при торговле (торговой рибы);

- запрет спекулятивного поведения (майсир);

- принцип корреляции прибыли с уровнем риска и ответственности за убытки.

В целом религиозно-правовые основы доминируют над сферой договоров и деловых сделок в мусульманских странах.

Однако их действие компенсируется широким подходом к источникам шариата. Установлено, что шариат в узком понимании представляет собой собрание нормативных положений Корана, сунны и хадисов, а в широком понимании шариат включает в себя также фикх, который представляет собой интерпретацию отмеченных священных книг религиозно-юридическим сообществом. При этом фикх является религиозным аналогом правовой доктрины и имеет статус источника права.

Признание фикха в качестве источника права обеспечивает достаточную гибкость для адаптации религиозных запретов к коммерческой практике. Более того, потребности торгового оборота привели к выделению в составе шариата условно обособленного правового комплекса – муамалата (исламского права договоров и деловых сделок), наиболее приближенного к европейскому торговому праву и представляющего собой его религиозно-правовой аналог.

При этом опора на деятельность независимых от светской власти юристов-интерпретаторов (муджтахидов), использующих методы аналогии

(кияс), консенсуса (иджма) и торговых обычаев (урф), обеспечила экстерриториальный характер действия шариата в его широком понимании, а дифференциация мусульманских правопорядков длительное время определялась подходами различных правовых школ (мазхабов), а не законодательством отдельных государств.

Во **втором параграфе «Эволюция исламского коммерческого права под влиянием международной коммерческой практики: к проблеме конвергенции правопорядков»** исследуется процесс взаимодействия исламской правовой традиции с европейскими институтами гражданского и торгового права, а также анализируются формы конвергенции правопорядков в сфере коммерческих отношений.

Установлено, что мусульманские страны еще на ранних стадиях распространения ислама активно торговали с зарубежными, в том числе европейскими, купцами. Длительная история взаимной торговли и мирного сосуществования послужила фундаментом для последующей рецепции отдельных институтов международного торгового оборота в правопорядки ближневосточных государств. При этом средневековые купцы, торговавшие с мусульманскими странами, при возникновении споров нередко руководствовались нормами европейского *lex mercatoria*.

Начиная с XIX в. рецепция европейских институтов гражданского и торгового права приобрела системный характер. Ключевым шагом стало принятие Османской империей в 1850 г. Торгового кодекса, полностью основанного на французском торговом праве.

Здесь стоит отметить, что шариат не является нормативной системой, призванной урегулировать все те аспекты современных отношений, которые регулируются позитивным правом. Вследствие этого нормы коммерческого права мусульманских государств во многом приобрели и частично продолжают носить светский характер.

Однако «вестернизация» коммерческого права мусульманских государств не отменила национальные и религиозные традиции. К настоящему моменту в мусульманских странах осуществлен синтез традиционных принципов шариата и светского коммерческого права европейских государств.

Итогом подобного синтеза стала исторически нетипичная для мусульманских стран дифференциация гражданского и торгового права, которая, в том числе, предполагает ограничение сферы действия шариата и разработку правил его применения к коммерческим отношениям. В наиболее общем виде, гражданское право мусульманских государств традиционно опирается на шариат, тогда как торговое право соответствующих стран носит более светский (а в отдельных странах – полностью секуляризированный) характер.

В то же время, активное включение мусульманских стран Ближнего Востока в международную торговлю энергоресурсами во второй половине XX в. повлекло за собой и обратные тенденции, а именно проникновение отдельных элементов исламского коммерческого права в международную практику.

Если говорить более конкретно, то в современной практике МКАС сформировались два основных варианта учета религиозных ограничений при заключении трансграничных коммерческих договоров: 1) включение в текст договора отсылки к шариату как к применимому праву и 2) включение договорных условий об исполнении обязательств в соответствии с принципами и нормами шариата.

Вторая глава «Современные концепции коммерческих договоров в мусульманских правопорядках» состоит из двух параграфов, посвященных сравнительно-правовому анализу правового регулирования коммерческих общественных отношений в современных мусульманских странах.

В **первом параграфе «Правовое значение шариата и его влияние на регулирование коммерческих договоров в современных мусульманских правопорядках»** установлено, что, несмотря на безусловное признание за шариатом основополагающей роли во всех мусульманских правопорядках, его конституционно-правовой статус и степень влияния на регулирование коммерческих договоров существенно различаются от страны к стране. Религиозно-правовые нормы шариата в мусульманских правопорядках далеко не всегда обладают высшей юридической силой, что особенно характерно для сферы коммерческих отношений.

На основе сравнительного анализа систем законодательства и судебной власти в мусульманских государствах Персидского залива (ОАЭ, Кувейта, Бахрейна, Катара, Омана, Йемена и Саудовской Аравии) по критерию правового значения шариата в рамках национальной правовой системы выделены два типа мусульманских стран: 1) страны с (квази)западной моделью правовой системы и 2) страны с фундаменталистской моделью.

Мусульманские страны с (квази)западной моделью правовой системы (Бахрейн, Кувейт, ОАЭ) признают за шариатом характер конституционно-правовой нормы-принципа.

Шариат является основным, но не единственным источником права, что позволяет национальным законодателям обеспечивать полную или частичную секуляризацию торгового законодательства, выводя правовое регулирование коммерческих отношений из-под действия религиозно-правовых запретов и дозволений.

Параллельно в таких странах принимается специальный комплекс правовых норм, закрепляющих правовое регулирование исламских коммерческих договоров, соответствующих требованиям шариата в его интерпретации национальными правовыми школами (мазхабами).

Применение шариата к коммерческим договорам в большинстве стран данной группы осуществляется только в случаях отсутствия: 1) положений

законодательства, прямо или косвенно регулирующих коммерческие отношения; 2) правовых традиций (правовых обычаев), сформировавшихся в национальной и международной исламской коммерческой практике. В Катаре применение шариата допускается лишь при дополнительном отсутствии договорного регулирования конкретных коммерческих отношений.

Мусульманские страны с фундаменталистской моделью правовой системы (Оман, Йемен, Саудовская Аравия) признают за шариатом (включая исламскую правовую доктрину фикх) характер закона, обладающего высшей юридической силой и прямым действием.

В рамках регулирования коммерческих отношений шариат здесь носит характер общей нормы, применяемой с учетом особенностей, установленных национальным торговым законодательством.

Непосредственное применение норм шариата к коммерческим отношениям осуществляется в двух основных случаях: в случае отсутствия специальной нормы в национальном торговом законодательстве и в случае противоречия положений национального торгового законодательства религиозно-правовым ограничениям и запретам шариата.

Во **втором параграфе «Система коммерческих договоров в современных мусульманских странах»** проведен сравнительно-правовой анализ нового торгового и гражданского законодательства ОАЭ и Саудовской Аравии как двух государств, находящихся на различных концах спектра учета религиозно-правовых норм шариата при регулировании коммерческих отношений.

Установлено, что кодификация торгового законодательства выражается в различных подходах к законодательному регулированию коммерческих договоров в мусульманских странах с (квази)западной и фундаменталисткой моделями правовых систем.

На основе анализа Торгового кодекса ОАЭ 2022 г. (ТК ОАЭ) и Гражданского кодекса ОАЭ 1985 г. выявлено, что система коммерческих

договоров в ОАЭ как мусульманской стране с (квази)западной моделью правовой системы носит дуалистический характер и включает в себя два обособленных правовых режима: светский (секуляризированный) и исламский (религиозно-правовой).

Светский правовой режим коммерческих договоров выступает в качестве самостоятельного режима по отношению к общегражданскому регулированию. Он распространяется только на коммерческую деятельность, которая должна соответствовать любому из следующих альтернативных критериев: субъектный критерий, целевой (телеологический) критерий, легальный критерий, функциональный критерий. В качестве дополнительных критериев для разграничения коммерческой и общегражданской деятельности также выступают структурный (организационно-правовой) и ресурсный критерии.

Исламский религиозно-правовой режим осуществления коммерческой деятельности в правопорядке ОАЭ является обязательным только для исламских финансовых организаций (специальная организационно-правовая форма), которым запрещено взимание процентов и получение иной выгоды, не обеспеченной реальной хозяйственной деятельностью. Иные участники коммерческой деятельности не обязаны использовать исламский режим, однако могут им руководствоваться в рамках реализации принципа свободы договора.

В рамках исламского религиозно-правового режима применяется специальная система коммерческих договоров, включая следующие:

- мурабаха (купля-продажа по запросу о финансировании с фиксированной надбавкой за коммерческую «работу» продавца);

- истисна (поставка/производство по запросу о финансировании по фиксированной цене);

- салям (форвардная продажа с фиксацией цены на момент заключения договора);

- иджара (основной элемент сложной договорной конструкции финансовой аренды, намеренно отделенной от условий о переходе права собственности);

- мушарака (деловое партнерство с обязательным личным или имущественным вкладом каждого из партнеров);

- мудараба (спекулятивное партнерство, допускающее участие одного из партнеров исключительно в форме предоставления капитала).

Расчетные обязательства по указанным договорам оформляются на основании специальной конструкции продажи в рассрочку, исключающей начисление процентов.

В свою очередь, в правопорядке Саудовской Аравии подход принципиально иной. На основе анализа проекта Закона о коммерческих сделках (ТК СА) и Закона о гражданских сделках 2023 г. (ГК СА) установлено, что фундаменталистская модель правовой системы Саудовской Аравии нашла отражение в единой (монистической) трехзвенной системе коммерческих договоров.

Первую группу составляют коммерческие договоры, правовое регулирование которых осуществляется положениями общего гражданского законодательства (ГК СА): мушарака (договор совместного участия в коммерческой деятельности с обязательным вкладом каждого из партнеров), мудараба (договор, по которому владелец капитала передает его под управление агенту для осуществления коммерческой деятельности с распределением полученной прибыли) и «договор о разделе продукции» (договор финансовой аренды, по которому лизингодатель передает имущество в пользование лизингополучателю в обмен на долю в произведенной продукции).

Вторую группу образуют коммерческие договоры, подлежащие регулированию в рамках общего торгового законодательства (ТК СА): купля-продажа между коммерсантами (в том числе форвардная продажа салям),

открытый аукцион, поставка, посреднические коммерческие договоры, а также договоры с коммерческими ценными бумагами.

Третья группа охватывает коммерческие договоры, регулируемые специальным торговым законодательством: коммерческую концессию, коммерческий агентский договор, коммерческое хранение, коммерческий залог, договоры с ценными бумагами, договоры в сфере электронной коммерции, залог движимого имущества.

Приведенные три группы расположены в соответствии с принципом от общего закона к специальному; приоритет отдается специальному законодательству.

При этом каждая группа коммерческих договоров опирается на муамалат в его толковании саудовскими мазхабами и, соответственно, обязана соответствовать запретам и дозволениям шариата (в его саудовском восприятии). Особенно примечательно в данном контексте, что в проекте ТК СА нет специального раздела об исламских коммерческих договорах: все законодательство построено в соответствии с требованиями шариата.

Третья глава «Проблемы и перспективы использования исламских коммерческих договоров в российском правопорядке» состоит из двух параграфов, призванных оценить текущее состояние и перспективы использования исламских коммерческих договоров в качестве непоименованных смешанных договорных конструкций в российском правопорядке.

В **первом параграфе «Возможности использования исламских коммерческих договоров в отечественном правопорядке»** исследуются актуальные инициативы и практика в сфере использования исламских договорных конструкций в России.

Установлено, что концептуальных препятствий для использования исламских договорных конструкций российское гражданское законодательство не содержит. Принцип свободы договора (ст. 421 ГК РФ)

допускает заключение смешанных и непоименованных договоров, а диспозитивный характер большинства положений ГК РФ, потенциально не соответствующих запретам шариата (в частности, правила о процентах по ст. 395 ГК РФ), позволяет пересматривать их условиями конкретного договора.

Впрочем, существенные трудности с имплементацией связаны с банковским законодательством. Запрет кредитным организациям заниматься торговой деятельностью (ч. 6 ст. 5 ФЗ «О банках и банковской деятельности») делает невозможным заключение ими ряда исламских коммерческих договоров, основанных на принципе недопустимости образования дохода без реальной деятельности.

В целях преодоления отмеченных ограничений для внедрения в отдельных регионах России исламского банкинга в 2023 г. был принят Федеральный закон № 417-ФЗ, установивший экспериментальный правовой режим (ЭПР) по партнерскому финансированию в четырех субъектах Российской Федерации. Эксперимент проводится на территориях Республики Башкортостан, Республики Дагестан, Республики Татарстан (Татарстан), Чеченской Республики. В 2025 г. срок действия эксперимента был продлен и в настоящее время ограничен 2028 гг.

Исходя из положений Закона № 417-ФЗ и первичных результатов эксперимента сделан вывод о том, что на текущем этапе практикой исламского банкинга в России востребованы шесть основных категорий исламских коммерческих договоров: мудараба, иджара, мурабаха, истисна, вакаля и мушарака. Однако, важно отметить, что все отмеченные выше конструкции перед их возможным применением должны пройти апробацию либо в рамках ЭПР по партнерскому финансированию, либо в ходе судебного оспаривания.

Во **втором параграфе «Электронные сделки и цифровизация коммерческого права в мусульманских странах: возможности применения зарубежного опыта в России»** исследуется процесс адаптации исламских коммерческих договоров к условиям электронной коммерции, а

также перспективы интеграции блокчейн-технологий и смарт-контрактов в муамалат.

Установлено, что исламская правовая доктрина в целом квалифицировала электронные коммерческие договоры и смарт-контракты как дозволенные на основании принципа первоначальной дозволенности (ибаха) в сфере муамалат при условии соблюдения базовых требований шариата.

При этом сравнительный анализ законодательства ОАЭ и Саудовской Аравии в сфере электронной коммерции выявил два альтернативных подхода: 1) секуляризированную модель ОАЭ, основанную на международных стандартах с дополнительными требованиями шариатского соответствия, и 2) интегрированную модель Саудовской Аравии, встраивающую электронные сделки в единую систему коммерческого права, построенного на принципах шариата.

Обе модели сталкиваются с общей проблемой совершенствования механизмов противодействия рискам неопределенности (гарара) и обмана в дистанционных торговых операциях. В частности, интеграция смарт-контрактов в систему шариатского регулирования порождает проблемы выявления истинного намерения сторон, расторжения договора и распределения ответственности при ошибках в программном коде.

В то же время, базовые характеристики блокчейн-технологий обнаруживают соответствие фундаментальным принципам исламского коммерческого права. Как следствие, в настоящее время в исламском коммерческом праве накоплен достаточно обширный практический опыт токенизации сукук (исламский аналог облигаций), который получил название смарт-сукук.

Смарт-сукук представляет собой цифровое право, удостоверяющее долю владельца в праве собственности или ином имущественном праве на определенный актив либо совокупность активов, выпуск, учет и обращение

которого осуществляются посредством внесения записей в распределенный реестр, а исполнение обязательств обеспечивается автоматически на основании смарт-контракта.

Ключевыми квалифицирующими признаками смарт-сукук выступают: обязательная привязка к реальному базовому активу; запрет на включение в структуру инструмента элементов рибы, гарара и мейсира; распределение доходов между владельцами пропорционально их долям в базовом активе; наличие заключения (фетвы) шариатского совета о соответствии условий выпуска принципам исламского права.

Впрочем, в рамках российского правопорядка применение смарт-сукук затруднено. Закрепленный в ст. 141.1 ГК РФ принцип легалитета препятствует квалификации исламских договорных конструкций в качестве цифровых прав без их прямого поименования в законе. Как следствие, интеграция цифровых исламских финансовых инструментов в российский правопорядок возможна только при условии закрепления соответствующих положений в федеральном законодательстве.

В **заключении** подведены итоги диссертационного исследования, сформулированы основные выводы и предложения. Обозначены перспективы дальнейшей разработки темы, связанные с развитием эксперимента по партнерскому финансированию, осмыслением цифровых исламских финансовых инструментов в российском правопорядке.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Гутенева А. В. Торговый и корпоративный договоры: проблемы соотношения и тенденции применения в деловой практике // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 1(158). – С. 102-109. – 0,50 п.л.

2. Гутенева А. В. Эволюция исламского торгового права под влиянием международной торговой практики: к проблеме конвергенции правопорядков // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 8(120). – С. 224-234. – 0,76 п.л.

3. Гутенева А. В. Возможности использования в отечественном правопорядке исламского коммерческого договора мудараба // Хозяйство и право. – 2025. – № 3(578). – С. 87-102. –0,50 п.л.

4. Гутенева А. В. Система торговых (коммерческих) договоров в мусульманских странах: основные модели // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 7(131). – С. 178-186. – 0,59 п.л.

Общий объем опубликованных работ диссертанта составляет 2,35 п.л.